ПИСЬМО
О
РОССІЙСКОМЪ ТЕЯТРѢ

И. Б.
100

зала ~~39~~ 18
шкафъ 330.
полка
№ 100.

ЗАЛА 18
ШКАФЪ 276
ПОЛКА 5
№ 334

ПИСЬМО
О
РОССІЙСКОМЪ ТЕАТРѢ

НЫНѢШНЯГО СОСТОЯНЇЯ.

54

ПИСЬМО
КЪ Г: ДМИТРЕВСКОМУ.

Покамѣстъ ты живешъ, и я доколь дышу
Парнасскимъ воздухомъ: сїе къ тебѣ пишу.
Любимецъ Талїи; любимецъ Мельпомены!
Носящїй на главѣ твоей ты лавръ зелены:
Позволь мнѣ тѣмъ себя стремленїемъ ласкать.
Что дружбу я хочу твою къ себѣ снискать.
Времянъ протекшихъ дни тебя намъ здѣсь вручили:
И Музы таинству тебя здѣсь обучили,
Какъ съ Волковымъ играть, котораго ужъ нѣтъ!
Твои едины дни лишъ зритъ разумный свѣтъ!
Вы здѣсь Расиномъ вашъ духъ сѣвернымъ питали;
А мы прельщались имъ, вы съ нимъ преславны стали!
Котурна вобразивъ, кто зрѣлъ ево когда:
Тотъ зрѣлъ, Героя въ немъ! великаго тогда?
Въ часы преславныя на сѣверѣ премѣны:
Вмѣщали и ево колеблющїясь, сцены.
А ты Дмитревской намъ, Поезїй сладость лилъ!
Творецъ хотя игру свою изобразилъ;
Но ты своей игрой ево игрѣ далъ душу!
Что нѣтъ ево теперь! тѣмъ все спокойство рушу!
Которымъ ты и самъ достаточно объятъ:
Потребенъ былъ ево для насъ и вкусъ и взглядъ.
Взоръ быстрый тѣнь игры въ театрѣ обнимаетъ:
Баронъ Дюфреневу какъ славу затьмеваетъ;

И

И въ чемъ когда Дюфрень Барона превзошелъ:
И въ комъ бы Гаррика онъ Рускаго нашелъ!
Въ тебѣ! твой зрѣвъ талантъ Дмитревской, все то видѣлъ!
Прекрасно въ дѣйствїй что издалека предвидѣлъ!
И славу тѣмъ свою на долго утвердилъ:
И онъ мое къ тебѣ почтенїе родилъ!
Дражайшая тебя пусть любитъ Мельпомена!
И представляется глазамъ твоимъ Ильмена!
О Труворъ! о Синавъ! ужъ вамъ у насъ не быть,
Стремятся игрищи на мѣсто васъ вводить!
Сїя къ тебѣ игра предводитъ не забаву;
Но угасающу теятра пышну славу!
Возникнутъ ли когда опять сїи часы:
Явитъ ли, въ полнѣ Фебъ опять свои красы,
Которыми сей мужъ, Корнель нашъ! восхищался,
И таинству ево единый прїобщался?
Возблещутъ ли опять котурны и кинжалъ,
Которымъ онъ своихъ Героевъ поражалъ!
Ево была игра не ядъ; но добродѣтель,
Чему и ты, и я, и весь Парнассъ свидѣтель
Но нынѣ, что у насъ играютъ безъ него?..
Теятръ для публики; но въ ней ужъ нѣтъ его!
Иль ты съ порфирою ужъ нынѣ разстаешся!
И брони отложивъ въ шеломѣ не несешся
Не кажешъ войску взоръ несясь въ рукѣ съ мечемъ:
И размышляетъ духъ твой бодрый днесь о чемъ?
Семиры болѣе у насъ не представляютъ:

И Ярополка ужъ съ Димизою не знаютъ:
Но во Мстиславѣ роль, угаснетъ ли когда
Когда ты получилъ награду навсегда.
Воспомни! что ты былъ, въ тотъ часъ, Геройской, въ свѣтѣ:
Въ Хоревѣ зрѣлъ тебя партеръ и въ лутчемъ цвѣтѣ
Когда Оснельдою и въ мужествѣ страдалъ:
Казалось самъ Хоревъ въ тебѣ тогда рыдалъ!
И умертвитель Кій! содрогнулся тобою,
Жалѣлъ и возрыдалъ: сраженъ ево судьбою?..
Забудется ли то когда я нѣчто зрѣлъ:
Я, видючи тебя въ Хоревѣ, каменѣлъ.
А видючи тебя въ Синавѣ; разрывался!
Въ Семирѣ! духъ во мнѣ, къ Геройству устремлялся!
Я мыслилъ такъ тогда, коль гдѣ играешъ ты,
Я не актера зрю: но бытія черты!
Представь меня мой другъ другъ Музъ передъ собою,
Плѣненнаго твоей костумой и игрою!
И шуткою игры театра и огнемъ:
Воспламененъ мой духъ! и заблужденъ во всемъ!
Во всемъ меня твоей навычкою прельщенна;
Во всѣхъ частяхъ игры Артистомъ обольщенна!
Представь меня въ сей разъ вѣщающа къ тебѣ:
Театра нашего, о будущей, судьбѣ.
Что скажетъ намъ Вертумнъ, коль будутъ представляться
Съ Пламирой роли тѣ! и къ гробу приближаться,
И мертвый Владисанъ изъ гроба лезѣтъ вонъ!

И что еще предъ тѣмъ изъ гроба слышанъ стонъ!
То копія, худыхъ и самыхъ сценъ негодныхъ,
Страшилищъ подлости средь праздниковъ народныхъ.
Не для того идетъ къ Помонѣ онъ въ сады,
Чтобъ гнусныя сорвать и тухлыя плоды.
Вотъ что вѣщаетъ мнѣ мой разумъ изумленный!
Тобой, Дмитревской въ сей мнѣ части подкрѣпленный:
А я, какъ зритель твой, и судія въ сей часъ;
Освистанъ быть хочу тобою много разъ.
Что, ежели, и я, неправо, разсуждаю;
Твоей я критикѣ, охотно подпадаю.
Скажи мнѣ! можно ли актерамъ то стерьпѣть,
Чтобъ безобразію и автора сертѣть?
Когда, гдѣ гнусно что, актеръ изображаетъ;
Во гнусности ему творецъ не подражаетъ.
Такъ можно ль чтобъ творецъ хоть давъ такой обрядъ:
Ихъ въ саванъ нарядилъ въ трагедіи въ нарядъ!
О! страсть на выдумки піитовъ дерзновенныхъ!
И малость духа къ нимъ актеровъ прилѣпленныхъ!
Возможно ль чтобъ трагикъ свой ядъ гдѣ лилъ перомъ:
На вѣру и законъ гдѣ мещетъ адскій громъ:
Не чтя Владыкъ своихъ: гдѣ все вмѣнилъ въ химеру:
Актеръ бы слѣдовалъ во всемъ ево размѣру?
И уничтожилъ бы себя, предъ нимъ, игрой?
И авторъ въ дерзости своей, чтобъ былъ Герой!...

О! пагубная страсть и мзда во жертву тлѣна:
Во жертву Гарпіи, за трудъ свой, самъ Селена?
Глотающая ядъ и извергаетъ вонъ!
Трагикъ! рыгающій на Бога и законъ,
И власть Монаршую въ тиранство претворяетъ:
Измѣнника себя онъ явно открываетъ.
Неизбѣжимъ уставъ, неумолимъ партеръ,
Когда восчувствуетъ: погибъ тогда актеръ!
На вѣру и Христа въ стихахъ игру гласящій,
Единовластіе Монарха обносящій?..
Безчестно бредящій волнуя духъ и нравъ:
Изчезни говоритъ сей пагубный уставъ,
Которой заключенъ въ одной Монаршей волѣ!
Прискорбно видити театръ нашъ въ злѣйшей долѣ.
Я негдѣ то читалъ, и смѣло бросилъ въ печь,
Что представлялася сія въ театрѣ рѣчь?
Партеръ знать тамъ сидѣлъ весь изъ головъ Французскихъ;
И не было въ тотъ часъ знать никого изъ Русскихъ,
Сему безбожію дать можно бы размѣръ:
Партеръ бы наметалъ, въ актеровъ, тучи стрѣлъ,
И освиставъ творца, безчестна, гордѣлива,
Вотъ мести должныя! отплата, справедлива.
За вымыселъ таковъ, гдѣ истинная ложъ,
И вышелъ бы народъ ругаясь имъ изъ ложъ?..
Не льзя сего мой другъ здѣсь въ Россахъ представляти!

Что

Что можетъ черни духъ и мысль поколебати?
Не можно здѣсь того какъ въ Франціи играть,
И партію себѣ въ актерахъ подбирать!
Творецъ себя явить хотѣлъ, Аристофаномъ;
И выю воздымя! казать себя, Титаномъ?
Но не Аѳины здѣсь! здѣсь, Русская страна?
Во власть отъ Бога здѣсь Монархамъ поддана!
Не знавъ ученія, не можно просвѣщати:
Дознавъ премудрость всю!.. Сократаль умерщвляти?
На толь я буду мысль мою въ стихахъ здѣсь ткать,
Чтобъ беззаконію плескать и потакать!
Иль паче растравлять и къ буйству предводима:
Хвалить что бы я сталъ прегнуснаго Вадима
Котораго судьбы низринули на вѣкъ!
Мнѣ мнится авторъ сей былъ духъ не человѣкъ
И удостоенный Монарша снисхожденья
Безуміемъ ввлеченъ и потерялъ почтенья?
Сему безумію и дерзости примѣръ,
Далъ поводъ но и самъ ругался имъ Вольтеръ!
Сто кратъ то хулилъ самъ въ себѣ что мнилъ блаженнымъ!
Повсюду зрѣлъ себя отъ Фуріевъ смятеннымъ?
То къ храму прибѣгалъ; то жертвенникъ корилъ:
Кровавымъ токомъ слезъ, изъ устъ лишъ ядъ свой лилъ!
Не зналъ растерзанный, къ чему себя устроить;
И можетъ ли насъ мысль разсѣенныхъ спокоить.
Всегда грызетъ, составъ, всегда ей, совѣсть мать:

Но

7

Но совѣсть не велитъ мнѣ бунтовъ воздымать!
Дождусь ли я сего когда кровавой пѣной
Польется кровь гражданъ, польется Гипокреной?
Ахъ! можно ли желать; такъ можноль и писать
Что бы спокойствïе въ гражданахъ сотрясать!
Мутить мой вѣрой духъ; законъ имѣть обманомъ:
И добраго Царя явить очамъ тираномъ.
Что бы и въ подданныхъ объ немъ вмечтати то:
Что вѣра для Царей, игра, или ничто?
И что бы рабъ его, наперстникъ, гордѣливо!
Предъ свѣтомъ вопïялъ: что ето справедливо?
Что бы наперстники, внушились ядомъ симъ:
Предателями стать могли Царямъ своимъ!
Такïя намъ рога козлы, когда гдѣ ставятъ:
Безчестютъ свой народъ, теятръ совсемъ безславятъ!
Не симъ ли образомъ вздымаютъ ярый бунтъ:
Въ Парижѣ былъ сему предъ симъ подобный грунтъ.
Въ Парижѣ былъ составъ сему, и предвѣщатель,
Теятръ? въ немъ зритель сталъ, имъ истинный предатель!..
Вездѣ вмечталися въ очахъ Аронсъ и Брутъ!..
Сугубаго во злѣ творца сладчайшïй трудъ?
И въ тѣ часы когда злодѣи составляли,
Владыку своего казнить, и умершвляли:
Теятръ подобноежъ тамъ дѣйствïе имѣлъ,
Народъ, весь злобою къ Монархамъ воскипѣлъ!
О! сколь опасно намъ творцовъ неразбирати,

По-

Потребно каждый стихъ конечно раздробляти,
И вымыслы отъ злыхъ правдивый различать,
Потомъ ужъ плескомъ ихъ и похвалой вѣнчать.
Другое что хвалить, другое разбирати,
Иное что читать; другое что играти.
Какъ можно на театрѣ вносить мнѣ Божїй храмъ,
Не къ прославленїю; въ кощунство и на срамъ?
Правдиво говоритъ! гонитель злыхъ пороковъ;
Исполненъ честности, и правды Сумароковъ:
„ Безбожникъ! можетъ ли тебя почтити кто,
„ Когда ты самаго чтишъ, Бога за ничто?
„ И можетъ ли въ твоемъ быть сердце добродѣтель,
„ Не знаешъ честности, не знаемъ коль содѣтель.
Необинулся онъ, Вольтеру тожъ вѣщалъ:
Нравоученїемъ, Француза, обращалъ?
Съ тѣхъ поръ ево стихи въ моихъ устахъ, ужъ сиры?
Злочестьемъ изоустъ пускалися, Алзиры?
Довольно былъ Французъ и мудръ и подлъ и слабъ!
И въ дерзости своей, злочестїю, былъ рабъ.
Въ подобномъ существѣ открылася Заира:
Не спорю, что сладка ево гремяща лира?..
Ево божественнымъ! и самъ я чтилъ языкъ;
Доколѣ всей ево я, тайны не проникъ?
Доколѣ всей ево неискусилъ отравы:
Ахъ! мнилъ такъ каждый въ насъ, ево дѣяньи, правы.
Ево глаголъ высокъ: ево уста гремятъ!
А Францїю увы! во пепелъ претворятъ!...

Да не смутится мiрЪ ево глаголомЪ тщетнымЪ!
Подвергнувши себя напастямЪ неизщетнымЪ.
Подвергнувши себя стремленью ярыхЪ водЪ!
Да будетЪ здравЪ и цѣлЪ Россiйскiй нашЪ народЪ!
Да внемлетЪ гласу онЪ сѣдящiя на тронѣ!
ПочiетЪ мирЪ на насЪ , когда Глава , вЪ коронѣ?
Любезной небесамЪ пребудетЪ та страна,
Гдѣ Истинна цвѣтетЪ и скиптру поддана?
Гдѣ вѣра и законЪ, всемѣстно торжествуютЪ!
И музы чистыя межЪ насЪ да ликовствуютЪ:
Да истребится все что можетЪ возмущать,
И кто безвѣрiемЪ насЪ тщиться обольщать?
Злодѣй отечеству, онЪ врагЪ ему пребудетЪ!
ТеятрЪ ли! Росскiй, ахЪ творца того забудетЪ,
Которой славою, вселенной всей гремѣлЪ,
И кто препятствiя, кЪ Парнассу одолѣлЪ?..
Собой здѣсь кто явилЪ, свой трудЪ нелицемѣрный:
И былЪ отечеству какЪ и МонархамЪ вѣрный?
Кто истинную честь лишЪ вЪ томЪ одномЪ щиталЪ;
Дражайшiй , вЪ музахЪ былЪ! и Бога почиталЪ?
Ево ли правиламЪ ослабнетЪ придержаться;
КЪ паденьюль своему восхощетЪ приближаться.
Все! лутче , не имѣть такихЪ забавЪ во вѣкЪ:
ЧрезЪ кои портится, и нравЪ и человѣкЪ!
Все лутче , гдѣ ОртангЪ вЪ незлобiй пребываетЪ,
И имя на себѣ, чуть звѣря принимаетЪ:
И сЪ жалости кЪ нему стремятся присмотрѣть;

Не

Не можетъ ли и онъ, намъ сродныхъ чувствъ имѣть!
Но вѣдая о томъ что въ звѣря данъ природой!
Безъ пастыря идетъ, и хочетъ жить съ свободой!
Насъ, разумъ учитъ самъ, ево оставить въ томъ,
Гдѣ хочетъ, пусть гдѣ свой, онъ тамъ имѣетъ домъ:
И тщетно ужъ ево ко смыслу направляетъ
И Африканскїй звѣрь съ свободой воздыхаетъ.
За тѣмъ что отъ творца не здѣланъ онъ такимъ:
Чтобъ подъ державствомъ онъ блаженствовалъ какимъ.
Но то единый звѣрь, онъ вольность лишъ имѣетъ:
Не зная пастыря воюетъ и робѣетъ.
Вездѣ гдѣ встрѣтиться ему, съ кинжаломъ псарь:
Онъ убивается: А намъ! разсудокъ царь?
Все лутче! не имѣть совсемъ разсудка здрава:
Коль не хранить, въ сердцахъ, преданья и устава?
Отеческїй законъ, намъ въ сѣянъ, не на то:
Чтобъ вѣру и Царей вмѣняли мы въ ничто.
Безъ нихъ ни жить, ни цвѣсть ниже чемъ ограждаться,
Не можетъ человѣкъ, свободой величаться!
За тѣмъ что отъ творца той не дано ему,
Что бы въ разсѣенїй и жити одному.
Насъ учатъ будь ты звѣрь! прерви свои оковы:
Такїя намъ слова Россїянамъ суровы;
И ктожъ бы ихъ вѣщалъ?... Россїйскїй человѣкъ:
Трагикъ, въ уста вложить... что бы актеръ ихъ рекъ

Россійскому жъ въ гортань вложить посмѣлъ вель-
можѣ?
Не льзя поносняй быть, обиды сей, дороже?..
Все сносняй!... естьли бы Французъ то говорилъ?
Пускай бы онъ свой ядъ зря въ щастье Россовъ
лилъ:
И оскорбляючи, Владѣтелевы троны:
Пущалъ бы имъ къ хулѣ изъ устъ актеровъ, звоны!
Мнѣ сносно бъ было зрѣть, чтобъ Якобинца зло,
Въ Россіи до такой степени возросло?..
Но въ дни! прекрасны дни, Великой Героини,
Премудрой Матери, Парнасской Сей, БОГИНИ!
Во дни Минервы здѣсь, гдѣ Той блистаетъ зракъ;
Въ теятрѣ бы! возмогъ, явиться злой, призракъ?...
И обаяючи во нравъ вливалъ бы яды:
И Монологъ творца достоинъ сей награды,
А рѣчи,... какъ въ стихахъ тогда актриса льетъ:
Прервать даже объ нихъ мнѣ сердце вопіетъ!
Вотъ что вѣщаетъ мнѣ мой разумъ оскорбленный!..
Властителей земныхъ сея полувселенный,
Величье ихъ мрачить державство ихъ и тронъ:
Чего не могъ никакъ сквернити Геликонъ:
Ни въ древній оный дни, въ сіи протекши вѣки:
Когда кичилися, своимъ искуствомъ греки:
Ниже возросшій Римъ главу свою подъявъ,
Не могъ и не посмѣлъ хулити вѣры въявъ?
Почтожъ сія игра у насъ здѣсь возрастаетъ;
И слухъ нашъ какъ и взоръ того неотметаетъ.

Про-

Противяся игрѣ! противлюся я, злу?..
Мнѣ гнусно видити на тѣхъ Князей хулу
Которы намъ собой здѣсь, вѣру утвердили,
И Христїянство въ насъ къ блаженству породили!
Уже ль, и то смердитъ, что Христїянинъ я!
Къ чему меня влечетъ коль тамъ игра твоя
Въ игранїи твоемъ руганье составляетъ
И моего жъ Царя въ безбожїй представляетъ:
Къ чему меня влечетъ творца удачный складъ
А твой, о! пантоминъ! или въ словахъ твой ладъ:
Искусно коль творца весь смыслъ изображаетъ:
И дѣйствїемъ мой взоръ и слухъ обворажаетъ?
Къ чему меня, введетъ въ партеръ игра твоя:
Чтобъ заблудить мой умъ и чтобъ терзался я,
То, видя какъ мой Вождь Владыка измѣняетъ:
И божествомъ въ тебѣ, являясь мнѣ играетъ:
Пускай хотябъ таковъ въ прошедшїй вѣкъ онъ жилъ:
Немногимъ ты меня, игрокъ мой одолжилъ:
Лишъ заблужденїебъ во мнѣ: минуты дѣло!..
Въ безумцахъ печатлѣй сїе ты дѣло смѣло:
Не вступитъ никогда въ театръ нога моя
Чтобъ Княземъ симъ, моимъ когда ругался я:
И вѣрилъ бы, что какъ пїитъ, обезславляетъ,
И корень тѣхъ Владыкъ достойныхъ насъ ругаетъ.
И твердо за обманъ даетъ онъ вѣры, видъ!
Что все приноситъ намъ Россїянамъ, лишъ стыдъ?..
Мнѣ мнится авторъ такъ когда ярясь играетъ:
Достойну вѣрность онъ къ Монархамъ подсѣкаетъ!

И подданныхЪ ево во водитЪ онЪ вЪ обманЪ:
Преподавая тѣмЪ, что Царь не Царь, тиранЪ.
Всего мнѣ прояснить не льзя, какЪ онЪ коварство
ВЪ ЦаряхЪ тутЪ сЪединилЪ: и пролилЪ все лукав-
ство.
Но знаю только то! и вѣрю изЪ того,
ПорочилЪ Князя онЪ, и для ради чего?
А кто вЪ разсѣенїй, и вЪ волѣ обитаетЪ;
ОнЪ отЪ Владимира Князей немногихЪ знаетЪ:
Исторїя кому Россійская темна;
И остается вЪ немЪ трагедїя одна!
ОнЪ идучи оттоль терзается, химерой!
Ругаясь БожествомЪ ЦаремЪ своимЪ и вѣрой!
Какой онЪ плодЪ себѣ сЪ сея трагедїй взялЪ;
ХотябЪ и ничего вЪ свой вѣкЪ не предпрїялЪ;
Но остается всѣ вЪ запасЪ вЪ ево породѣ:
Мой предокЪ перьвымЪ былЪ; а я послѣдней вЪ родѣ.
ТакимЪ не вкуснымЪ мнѣ и дерзости перомЪ;
Стремлюся на себя ль метати я сей громЪ?
Стремлюсь я мрежи злыхЪ лукавцовЪ разметати;
И осязанїемЪ вЪ нихЪ ядЪ ихЪ показати;
И я Россійскїй тожЪ какЪ авторЪ человѣкЪ:
КакЪ будто мы живемЪ вЪ такой желѣзной вѣкЪ,
А онЪ трагедїей своей насЪ просвѣщаетЪ?
Повсюду истреблять тирановЪ возвѣщаетЪ?
Со свѣта гнать велитЪ; но гдѣ они: ни гдѣ?
И путается самЪ творецЪ вЪ своемЪ трудѣ.
Теперь я уловить ево и самЪ потщуся;

Ни

Ни мало ковнями ево не обольщуся:
Въ рукахъ лукавствовалъ Улисса такъ Протей:
Былъ Тигръ былъ Аспидъ злой и былъ Едемскїй змѣй:
И древомъ вольности пускай мя обольщаетъ:
Спознать, открыть ево всю злость не воспящаетъ.
Чему! ты учишъ насъ, спросилъ бы я ево,
Когдабъ Дмитревской зналъ, творца я ахъ сего!
Чему ты учишъ насъ О авторъ развращенный!
И можетъ быть въ трудахъ всеобщихъ помѣщенный:
Въ тѣхъ толстыхъ книгахъ ты надѣюсь будешъ тамъ:
Въ Петрополѣ раскрытъ и по другимъ мѣстамъ?
Достойный, дерзостныхъ и хульныхъ словъ, рачитель!
Трудомъ своимъ въ стихахъ коварный обольститель,
Приближи естьли льзя Россїянъ ты къ бѣдѣ:
Погрязнешъ прежде самъ въ своемъ ты зломъ трудѣ!
Забудешъ издавать въ стихахъ въ Царяхъ коварство:
Имѣлъ бы на земли законъ едино Царство:
Не вставишъ больше то въ безумїе и въ страхъ,
Вливая ярость тѣмъ одну, въ твоихъ стопахъ:
Здѣсь въ насъ разсудокъ цѣлъ! въ тебѣ сїя лишъ рана!
Даетъ названїе, творитъ, въ Царяхъ, тирана.
Конечно не успѣлъ отнюдь ты въ семъ трудѣ?

А что натянутЪ былЪ: то видно ужЪ, вездѢ!
Во всѢхЪ сея игры стремленьяхЪ, очевидно:
Безбожно ты игралЪ, былЪ врагЪ Царю! обидно?
Сїе бы точно я вЪ лице ему сказалЪ,
И сей бы также вЪявЪ проступокЪ указалЪ.
ПроступокЪ: естьли такЪ ево назвать я смѢю!
Страшусь я Истинны, но правды не робѢю:
МнѢ обращенїе ево на сценѢ стыдЪ!
Кто можетЪ изЪ себя казать порочный видЪ?
УспѢлЪ вложить вЪ гортань свой МонологЪ вельможѢ;
И дѢйствуетЪ надЪ кѢмЪ, и тотЪ речетЪ тутЪ, тоже?..
Владыка тутЪ ево покорствуя страстямЪ:
ОтмещетЪ полну власть, присвоивать ЦарямЪ!
По волѢ автора Князь РоссовЪ признается;
Что санЪ Монаршїй санЪ, напрасно имЪ дается?..
ЧтожЪ лутче бы сказать! что лутче бы сего?
ЧтобЪ презрѢти на вѢкЪ Монарха своего!
И восхваляетЪ намЪ еще самоубивство?..
КакихЪ народовЪ то, явилось здѢсь, витїйство?..
ВЪ АмерикѢ, КасикЪ, ВольтеромЪ говорилЪ;
Но авторЪ намЪ калью, здѢсь, Русскую варилЪ!
И не Гусмана намЪ Гишпанска предЪявляетЪ,
РоссїйскихЪ родЪ Князей, онЪ предка ославляетЪ!

ЗаконамЪ я играть не буду никогда;
И буду чтить ево на свѢтѢ завсегда.
ЗаконЪ ТатаринЪ чтитЪ, ЯпонецЪ, АфриканецЪ:
От-

Отмещетъ днесь ево Французъ, одинъ, поганецъ?
Въ сравненіе я къ нимъ охотнѣя пойду,
А въ атеистѣ что? въ дѣистѣ, тожъ найду?..
Два слова: да, иль нѣтъ: у нихъ всегда готовы;
Не знаю!.. можетъ быть; въ нихъ всякой день обновы?..
Одинъ гласитъ творца тщась вѣру отметать;
Другой и что онъ есть, себя стыдится знать!
И о сотворшемъ онъ, не лутче разсуждаетъ:
Какъ Гриллова свинья, взоръ въ небо устремляетъ?
Дѣистъ по прихотямъ волнуясь жизнь ведетъ:
Но атеистъ въ себѣ спокойства, не найдетъ?
Выходитъ съ разумомъ тотъ бунтовщикъ народный?
А сей съ безбожіемъ, во всемъ, емужъ подобный?
И стало изъ сего, что узелъ ихъ одинъ:
Какъ въ вольнодумцахъ всякъ и братъ и господинъ:
Напрасно изо двухъ ихъ порознь различаютъ;
Они во всемъ, одно, и жити впредь не чаютъ.
Блаженства въ совѣсти какъ можно тутъ искать
Гдѣ, вѣры нѣтъ, порокъ намъ будетъ потакать:
На совѣсть я свою надѣюсь пусть исправно:
Но совѣсть воспретить не въ силахъ что намъ нравно;
Она и шествуетъ согласіемъ тому:
Угодно только то что сердцу твоему.
А вѣра: не такой совѣтъ намъ созидаетъ;
Грызенье совѣсти, въ передъ предупреждаетъ.
И будущую тьму и сладость намъ сулитъ:

Надежда, добрыхъ дѣлъ по вѣрѣ веселитъ.
Прекрасныя сіи три дщери несравненны!
Надежда и Любовь и Вѣра суть нетлѣнны! . .
Напрасно силются дѣисты прояснить,
И во трагедіяхъ казать сію намъ нить,
Что будто совѣсть въ насъ господствуя безъ вѣры:
Возможна, вящія подать къ блаженству мѣры?.
Напрасно атеистъ, всегда неумолчитъ
Въ дѣистовыхъ устахъ, есть Богъ! . . всегда кри-
читъ?
Но славитъ ли, онъ тѣмъ сего творца вселенной:
Сей гробъ смердящій гробъ, обманъ, и поваплен-
ной!
Когда къ дознанію творца мнѣ моего
Разрушить, тщательно, спѣшитъ, законъ его?
И передъ жертвенникъ ево Мегеру вводитъ,
И въ содраганіе природу всю приводитъ:
И цѣля въ гробъ Христовъ, себя искуснымъ мнитъ:
Христосъ въ ево устахъ, обманъ тамъ говоритъ? . .
О! страсть поносная! и паче мѣры злая!
Въ предосужденіе свой трудъ и умъ ввергая,
Насытиться ли могъ когда и самъ Вольтеръ:
Отъ пожеланія безумствъ сихъ паче мѣръ!
Чтобъ все собой смутить и все въ свой рядъ сра-
вняти;
Бѣгъ солнца премѣнить Царямъ уставъ подати,
Съ землею поступить не инакъ какъ хотѣлъ;
Какъ въ праздности своей въ своихъ стихахъ онъ
пѣлъ!

Природу удивить хотѣлъ своей свободой,
Ее онъ не имѣлъ; гнушаясь всей природой?..
Всѣ страсти пренебрегъ; иль паче все вкусилъ!
И жертву чистую коварству приносилъ.
Царей достойными не зрѣлъ здѣсь жить на свѣтѣ:
И съ зависти страдалъ ихъ видя въ лутчемъ цвѣтѣ:
Языкъ свой вычистилъ: на излїянье зла:
И добродѣтели, повсюду имъ хула!..
Пѣвцомъ Владыкъ земныхъ являлся по погодѣ;
И каждаго хвалилъ лукавствуя въ семъ родѣ:
Прибыткомъ онъ себя, отвсюду ослѣплялъ:
И ихъ же милостью себя онъ подкрѣплялъ!
За все сїе, свой даръ, пролить, не обинулся;
На все, что въ свѣтѣ есть, на все онъ поползнулся!
И не успѣлъ ни въ чемъ; въ себѣ лишъ только жилъ;
Почто же имя онъ порочно заслужилъ?
За то, что пренебрегъ законъ, уставъ, и вѣру:
И возгордившися явилъ себя, химеру!
Напрасно оной знакъ ему построинъ былъ:
Что будто онъ ее во жизни сей, убилъ!
Онъ кровїю гражданъ, вселенной бы обмылся!..
Когда бы могъ лишъ въ томъ успѣть: и не стыдился?
Не устыдился онъ, всѣмъ таинствомъ играть,
И хитростью Царей и троны пожирать!
Самъ Богомъ быть хотѣлъ! умомъ вселенной править,

И идола себя безвѣрія поставить!
Такъ автору себя очистить надлежитъ,
Куды безумна мысль моя когда бѣжитъ!
Куда стремиться дымъ по сферѣ возмущенной:
И громомъ лишъ однимъ быть долженъ разчищенной:
Въ сравненіе сказать, и должно, что Вольтеръ,
Орелъ изъ хляби шелъ, и крылія простеръ?..
Но нашъ предъ нимъ піитъ, желая стать Вольтеромъ!
Кукушка, передъ нимъ: кликушѣ сталъ примѣромъ?..
Выкликивая то; кричалъ что Аруетъ:
Но вышло что и тотъ въ стихахъ объ вѣрѣ, вретъ!
Пегасъ, завѣсой лишъ въ театрѣ возбѣгаетъ;
И подмалевану фигуру представляетъ:
Не краскою Парнасъ обычною цвѣтетъ;
Но Истинна ему, она свой блескъ ведетъ:
Когда она свою къ намъ милость изливаетъ;
Тогда Пермесскій конь, намъ воды источаетъ.
Но естьли къ намъ сія владычица стиховъ
Когда не коснется, въ насъ, нѣтъ правдивыхъ словъ!
Ея веленіемъ выходитъ все благое;
Противноежъ тому: развратъ выводитъ злое.
Злощастенъ тотъ піитъ! злощастенъ и актеръ,
И зритель плещущій имъ бѣдный изувѣръ!
Одинъ изъ нихъ союзъ спокойства расторгаетъ;
Другой, безумства ядъ, за цѣну извергаетъ:

А

А третій зритель суть, себѣ немилосердъ:
Опасную въ себя Циклопъ то чашу льетъ?
Такъ упоившися въ безуміи отходитъ,
И камнемъ заваливъ пещеру вновь приходитъ:
Ахъ! лучте бы тебѣ! въ свой домъ не прихо-
дить,
Пріятнѣбъ Полифемъ тебѣ вѣкъ съ глазомъ быть!
Вотъ тщетно вопіетъ, теперь всей Франціи Геній;
Не только въ ней людей, градовъ тамъ дремлютъ,
тѣни;
Отъ вольности писцовъ и скопищей тамъ злыхъ,
И воздухъ ужъ суровъ, и словомъ рокъ тамъ лихъ:
Гдѣ, вольностью такой играніемъ такъ дышутъ:
Въ Германіи рѣдко то, Германцы такъ не пишутъ:
Но цензоры у нихъ довольно глубоки,
Ихъ разумъ превзошелъ актрисы каблуки.
Гораздо выше! ноль, въ главѣ своей, имѣютъ;
И стало! что они насъ, лутче разумѣютъ?..
Кто можетъ здѣсь, о семъ достаточно судить!
Кто можетъ нашъ театръ, къ познанію взбудить?..
Внуши Дмитревской! ахъ! представилибъ, Россла-
ва!
Съ желѣзнымъ сердцемъ! намъ и то была бы слава?
Хотябъ увидѣли, какъ дивный сей Ирой,
Въ цѣпяхъ окованъ: и прельстились бы игрой?.
Иль Дейядамію, представилибъ во цвѣтѣ:
И вспомнилибъ творца, кого ужъ нѣтъ на свѣтѣ!
Въ Телемахидѣ, такъ и въ ней, пускай живетъ!
Все

Все лутче, нежели что въ насъ сердца всѣхъ рветъ?
Иль къ Титубѣ премѣнясь, воспѣли намъ пѣвицы!
Настроилибъ свои и гласы и цевницы:
Единожды хоть пѣснь сїю! . . О! Палїярхъ! . . . .
Ты съ Аргенидою весь свѣтъ приводишъ въ страхъ! . . . .
Здѣсь брачныя твои свѣщи мы прославляемъ;
И память о тебѣ театромъ возставляемъ!
Есть что представити; но есть что и смотрѣть:
Возмогъ какъ Никопомтъ Парнассомъ повелѣть! . . .
О! мой любезный другъ Дмитревской что я вижу?. .
Я мысль мою еще къ театру здѣсь, приближу!
Удобно лишъ тебѣ объ ономъ разсуждать,
А мнѣ твой голосъ внять, внимати и плескать!
Чтобъ разсужденїе о семъ мнѣ влить во нравы:
Минерва мнѣ сама подастъ пускай уставы.

Николай Струйской.

46

Печатана съ Указнаго дозволенія

Въ Рузаевкѣ

Въ типографіи у автора.

1794 года.

5753
1889

330/100.